

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.5>

УДК 168

ББК 87.3

КОНЦЕПЦИЯ МЫШЛЕНИЯ В СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО И ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА

Дмитрий Николаевич Попов

Аспирант кафедры философии,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
dpd108@mail.ru
ул. Советская, 14, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье исследуются системомыследеятельностная методология (СМД-методология) Г.П. Щедровицкого и феноменология Э. Гуссерля как парадигмы формирования мышления в условиях вызовов современной эпохи. При первом рассмотрении данные концепции имеют противоположные основания. В основе СМД-методологии Г.П. Щедровицкого лежат идеи социальной детерминации субъекта, технологизации социума и онтологический релятивизм. Феноменология основана на идеях свободы трансцендентального субъекта, поворота от техномира к жизненному миру. Исследованы подходы к структурированию мышления и сознания данных философских школ. Выделение Щедровицким уровня мысль-коммуникации подтверждает интуиции феноменологов о необходимости дополнительного введения лингвистического уровня мышления. Гуссерль показывает, как с помощью точного выделения региона сознания осуществляется переход от лингвистических смыслов (Г. Ферге) к аподиктическим, конституируемым сознанием на основе феномена «как он сам-себя-дает». Это позволяет рефлексии мышления выходить за рамки дискурса и осуществлять инновации. Таким образом, практический опыт СМД-методологии подтверждает интуиции феноменологии, а феноменология разрешает эпистемологические проблемы СМД-методологии. Их синтез определяет перспективы формирования мышления на основе раскрытого региона сознания в рамках методологии организационно-деятельностных игр (ОДИ). Данный подход дает возможность позитивного разрешения проблем постмодернизма.

Ключевые слова: СМД-методология, феноменология, мышление, сознание, технологизация, жизненный мир, постмодернизм.

© Попов Д.Н., 2017
В эпоху постмодерна, третьей промышленной революции и глобализации наше общество все чаще встречается с новыми вызовами. Усложнение структуры общества и увеличение количества социальных ролей создают проблему идентичности, самоопределения. В условиях глобализации и релятивиза-

ции ценностей формируется новый образ жизни, происходит виртуализация коммуникаций, развивается человеческий аутсорсинг (перенос функций, выполняемых ранее человеком, на орудия и технику), осуществляется технологизация и автоматизация не только производства, но и общественной жизни в целом.

Необходимость разрешения данных проблем делает актуальным обращение к традиции отечественной философии мышления, развиваемой с 50-х гг. прошлого века в рамках Московского логического кружка (А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Д.Б. Зильберман и др.), а позже методологического кружка под руководством Г.П. Щедровицкого. Разработанная в нем системомыследеятельностная методология является одной из самых авторитетных в конструировании общественных систем, и в частности российского общества, и вбирает в себя последние разработки постмодернистских теорий. Предложенная ими методологизация мышления направлена на процессы автоматизации и технологизации, переложения функций, выполняемых человеком, на машины. Данные тенденции становятся опасными при их абсолютизации. Одним из первых в философии сознания это аргументировал Э. Гуссерль в своей работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [3]. Главная причина проблемы заключается в отчуждении человека от жизненного (донаучного) мира и региона аподиктических смыслов сознания как потока переживаний трансцендентального «Я». Прояснение понятия «аподиктическое» является одной из центральных проблем в философии Э. Гуссерля. Аподиктическим называется подлинное, достоверное знание, смысл из самого источника, в отличие от правдоподобного мнения. Оно ясное, безусловное и не нуждается в аргументировании. Первым таким аподиктическим знанием можно считать утверждение о внутреннем квазивременном потоке переживаний сознания и его направленности на что-либо (интенциональности). Сомневаться в том, что мне что-то дано в сознании, все равно что сомневаться в своих сомнениях. Феномен сознания может проявляться для меня и давать в усмотрении аподиктический смысл. Более сложным для проявления является переживание сознания Других и возможности обмена аподиктическим опытом сознания между ними. Это важные принципы, на основе которых можно построить жизненный мир. Построение жизненного мира человека на основе аподиктических смыслов сознания, как «сущности философской экзистен-

ции», может выступать в качестве позитивного постмодернизма.

Э. Гуссерль утверждал феноменологию как «поистине строгую науку» и противопоставлял ее другим научным методологиям. В соответствии с данным подходом Э. Гуссерль ставил главной целью феноменологии преодоление скептицизма, релятивизма и субъективизма в европейской культуре и науке. В связи с этим он выделил два региона бытия сознания:

1. Непроблематичный (аподиктический) регион сознания – трансцендентальное эго, автономная личность, ее объекты (корреляты интуитивного, рационального и эмпирического опыта) и коммуникации, которые образуют интересубъективный жизненный мир. Он находится вне картезианского сомнения, вне «власти дискурса» (М. Фуко).

2. Проблематичный регион мышления человека, обусловленный мировоззрением, культурой, языком, социальными практиками, типизациями, психофизическими и когнитивными особенностями восприятия и т. п. Он основан на «доксах», то есть «само-собой-разумеющихся» фактах. Феноменология выделяет несколько уровней мышления с помощью феноменологической редукции.

В связи с этим важно рассмотреть динамику концептуализации мышления в Московском логическом, а затем и методологическом кружке, которая началась с 50-х гг. XX века. Как и вся философия СССР того времени, она основывалась на постулатах марксизма-ленинизма. Старшим среди членов клуба был А.А. Зиновьев, который определил мышление как отражение деятельности (возобновляемой структуры действий) в соответствии с диалектическим материализмом. В «ленинской теории отражения» утверждается, что свойством всей материи является отражение. Поэтому мышление отражает, несет на себе следы воздействия деятельности в виде образов, знания или информации, которые связывают знаки с объектами деятельности.

Как описывает Г.П. Щедровицкий, разработанная им и его соратниками концепция мышления, логики как основы гносеологии и науки в целом была новаторской. Однако мышление все еще понималось «как индивидуальный процесс, как процесс в “голове”» [9,

с. 563], сенсуалистически. Мышление было, конечно, не чувственным образом, но по-прежнему оставалось связью между объектом и знаком. Ключевым моментом для Г.П. Щедровицкого стало признание надындивидуальности мышления и деятельности, их intersubъективной сущности, к которым человек лишь приобщается: «...не человек мыслит, а мышление мыслит через человека. Человек есть случайный материал, носитель мышления» [10, с. 120]. Причиной возникновения мышления и деятельности все также считался человек, однако не как индивид, а человечество в целом.

Конечным результатом стала идея СМД-методологии. СМД-методология – это принцип организации деятельности через проектное (конкретное) мышление – мыследействие, на основе идеального (абстрактного) мышления. Промежуточным уровнем мышления является мысль-коммуникация – уровень текста, языка, через рефлексию которого осуществляется взаимосвязь идеального и проектного мышления. В этом смысле СМД-методология позволяет человеку влиять на мышление, преобразовывать его, что предполагает создание собственного дискурса: «Мы создаем методологическую организацию мышления и деятельности во всех их формах для организации собственного мышления и собственной деятельности, и это единственная цель и задача, которая нас интересует» [11, с. 68]. Выделение данных уровней и предполагаемый выход к региону сознания хорошо укладывается в феноменологическую систему, описанную выше. Можно также провести аналогию между «восхождением от абстрактного к конкретному» в мышлении, которое используется СМД-методологией, и тезис феноменологии «назад, к самим вещам».

Особая важность различения данных уровней мышления заключена в том, что каждый из них имеет свои специфические законы и предполагает разную методологию, онтологию, приравнивая свою предметность к сущности реальности.

1. *Психофизический* уровень мышления в феноменологии соответствует мыследеятельности или проектному мышлению в СМД-методологии. Они направлены на предметность физической природы, пространственно-

временные объекты, которые изучают естественные науки и повседневную жизнь. То, что донаучное, индивидуальное восприятие констатировало как звук, теплоту, тяжесть, теперь под воздействием научного мышления воспринимается как «колебания звука, колебания теплоты... то, что происходит в мире гештальтов» [2, с. 58]. Отличительным характером психофизической предметности является ее конкретность: время, место, обстоятельства. Однако в проектном мышлении эти данные (гештальты эмпирической действительности) как «само-собой-разумеющиеся» воспринимаются уже в качестве геометрических пространственно-временных характеристик. Поэтому А. Шюц пишет: «Отправной точкой любого проектирования оказывается не разворачивающийся процесс действия, но заверченный в воображении акт» [8, с. 135]. Кроме того, данные объекты становятся объектами социальной деятельности, а «деятельность сама по себе есть субстанция, целостность и универсум, – пишет Щедровицкий, ...она течет через множество поколений... это люди и машины, и все это вместе образует единую материю, на которой паразитирует деятельность» [12, с. 257]. А. Шюц подтверждает этот момент: «...конструкции, возникающие в повседневном мышлении... не только мое личное дело; они изначально intersubъективны, социализированны» [8, с. 130]. Таким образом, мыследеятельностное мышление будет основано на определенном intersubъективном проекте конкретной деятельности. Сами люди и вещи становятся включенными в этот проект, нормы, стереотипы как материал или элемент с определенными функциями и компонентами, взаимосвязями с другими элементами. Их уникальные черты повседневное мышление просто отбрасывает. Под воздействием данной intersubъективной системы воспринимаемые мной объекты воспринимаются точно так же и другими людьми. А эти люди «само-собой-разумеющиеся» считаются «нами».

2. *Лингвистический* уровень мышления в феноменологии соответствует мысль-коммуникации и пониманию в СМД-методологии. Любая intersubъективная коммуникация предполагает язык и заложенные в нем лингвистические смыслы. Вещь, объект, явление

должны быть достаточно значимы, чтобы иметь имя, знак, быть отраженными в языке. Поэтому содержание речи, дискурса не может быть сведено к содержанию ощущения, восприятия, представления, как об этом писал Г.П. Щедровицкий. Данный уровень Э. Гуссерль не выделил как отдельный, что, по мнению В.Б. Сокола, сыграло ключевую роль в интерпретации феноменологии и отклонениях от изначального метода. Поэтому интуиция Щедровицкого о принципиальной важности этого уровня актуальна для феноменологии. Лингвистический уровень мышления был введен В.Б. Соколом [7, с. 241]. Предметностью данного уровня являются лингвистические (традиционные, культурные, идеологические, «здоровые») смыслы, логики. Жизненный мир лингвистического субъекта описывал в своих работах А. Шюц: это «не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция» [8, с. 130]. Как дискурс является мостом между мыслительными и социальными практиками, так и мысль-коммуникация связывает мыследеятельность и чистое мышление через текст коммуникации. Как признается Щедровицкий, влияние дискурса советской науки, ее онтологии не позволяло увидеть важность коммуникации и особенность ее функционирования. Человек может видеть только то, что он знает, называет именами.

3. Эйдетический уровень мышления в феноменологии соответствует чистому мышлению в СМД-методологии. Мысли-коммуникации, выраженные в знаниях и понятиях, для перехода к чистому мышлению необходимо схематизировать, моделировать, перевести в идеальные формы, логос. Законы познания становятся первичными по отношению к миру. Так описывает усиление абстрактности в освоении мира человеком В.А. Кутырев: «...от “поэмы к матеме”: мифология – онтология – гносеология – эпистемология – когнитология... Не законы в мире, а мир в законе. Не разум в Бытии, а бытие в Разуме» [5, с. 25, 30]. Идеальная практика чистого мышления происходит в идеальной действительности предельных гештальтов, чистых идей, полностью абстрагирована от мыследеятельности. Однако, как пишет Щедровицкий, «включенность человека в чистое мышление, наличие

у него этой действительности, оказывается, начинает управлять его поведением в реальных ситуациях взаимодействий, вопреки законам ситуации» [9, с. 587]. К данному уровню интересу субъективного мышления относится философия, этика Канта, Платона: «логицизм», «платонизм», «рационализм», «математизис». Гуссерль называет их эйдетическими, математическими науками.

4. Высшим уровнем мышления в СМД-методологии является рефлексия. С ним можно сопоставить хабитуальный уровень Э. Гуссерля. Г.П. Щедровицкий отождествлял рефлексию и сознание. И действительно, хабитуальный уровень мышления содержит в себе всю предметность сознания и мышления, но в смешанном, обыденном, привычном (хабитуальном) виде – в естественной установке: «...рефлексия принадлежит четвертой сфере, она неразрывно связана с сознанием» [9, с. 570]. Именно здесь появляется инновационное знание, когда предметностью случайным образом, стихийно становится само сознание («рефлексия на рефлексию»): «Знание возникает в верхней части – в метатекстах, или в текстах по поводу текстов» [9, с. 554]. Далее знание от абстрактных форм через коммуникацию переходит в конкретное проектное мышление, и этот переход также осуществляется за счет рефлексии: «рефлексия есть средство зашнуровки и увязки... Здесь включается в работу сознание» [9, с. 554].

Но самое важное практическое открытие Московского методологического кружка – это интересу субъективная, коллективная рефлексия, направленная на инновационные решения проблем в условиях неполной информации и междисциплинарности. Этот вид коллективной деятельности получил название организационно-деятельностных игр (ОДИ). Фактически он помогает коллективу ученых выйти в интересу субъективную коммуникацию на уровне переживаний, которую теоретически описал Э. Гуссерль. Побуждаемые друг другом с помощью рефлексии, из дискурса они переходят в чистое мышление и далее начинают конкретизировать с помощью рефлексии, опускаясь на уровень мыследеятельности. Ученые являются носителями чистого мышления, представителями разных эйдетических и эмпирических наук. Проблема в том, что у каждого из

них своя парадигма мышления. Естественно, дискуссия между ними не будет приводить к единой логике мышления. Поэтому вводится фигура организатора семинара, который не может быть «парадигматиком», так как это приведет лишь к противоречиям: «Он должен расстаться со своим единым видением мира, тем, которое было продиктовано его чистым мышлением, забыть о нем... Человек, который не раздвоился, не раздвоил своего сознания, не отделил себя от своего мышления, не может выступить организатором» [9, с. 577]. Организатор, находясь уже вне дискурса, в феноменологической установке сознания, может: 1) выделить объекты сознания, интенциональную предметность; 2) на ее основе установить интересубъективную коммуникацию между членами игры, то есть учеными; 3) полученный результат коммуникации выразить в предметностях чистого мышления и мыследеятельности – конкретного плана деятельности.

С одной стороны, мы видим рабочую схему, неоднократно проверенную на практике. Однако регион сознания не был отдельно выделен «методологами», и его поиск шел стихийно. Сценарии игры были известны заранее, и выход в феноменологическую установку осложнялся, а сознание отождествлялось с деятельностью: «Он [организатор] берет схему, проект, оргсхему и “надевает” на людей. Это не мыслительный акт, а деятельный» [9, с. 577]. Из-за отчуждения от сознания организационно-деятельностные игры и СМД-методология в целом остаются, хотя и практичными в условиях установившегося мышления, но рефлексивными чисто в своем воображении, в виртуальной реальности не приближаясь к аподиктическим смыслам. Подобным образом из искусства и поэзии можно извлечь множество оригинальных новообразований, мотивировок, но только в рамках воображения.

Таким образом, оставаясь на уровне естественной установки, сознание «слепляется» с мышлением. Предметность рефлексии представляет собой смешанную предметность сознания и мышления. Теперь при переходе в интересубъективную коммуникацию происходит еще большее отчуждение от аподиктического, непроблематизированного знания. «Вчувствуюсь» (совершая апперцепцию)

в мир переживаний Других, он немедленно во много раз расширяет свою «тягучесть горизонта» жизненного мира. Увеличивается «поле» подразумеваемых переживаний за счет всех возможных «значимостей» опыта Других. Гуссерль подводит итог ограниченности рефлексии мышления: «...в качестве рабочего поля здесь предстает бесконечный и все же замкнутый в себе мир идеальных предметностей» [3, с. 44]. Вследствие отчуждения от сознания европейская рациональность, общество и образование стали технико-информационными, релятивно-субъективированными, виртуальными. Потребительское мышление, регулируемое искусственно-техническими методологиями, устремляется к идеалу саморазвивающегося социотехнического мышления.

Технологизация и автоматизация мышления не предполагает отсутствия рефлексии, важной для «удобных» инноваций, или культурной, нравственной воспитанности, – знание лингвистических смыслов и поведение согласно им. Однако происходит отчуждение от интересубъективного жизненного мира сознания и уход в проблемный релятивный мир мышления. В.А. Кутырев отмечает данный момент: «Отделение мышления от сознания было открытием... становления computer science и начала когнитизации нашей естественной реальности... В виртуально-компьютерном мире действительно нет сознания, человек не субъект, он не мыслит, а вычисляет, так как целостного существа, личности, его в нем и нет» [5, с. 66]. Важно отметить, что в данном фрагменте точно феноменологически определяется сознание и выполняемые им функции: «Потерявший сознание, то есть не осознающий, что и зачем мыслит» [5, с. 53], – указывается на самосознающие аспекты, которые находятся в регионе аподиктических смыслов. Релятивное отчуждение от них проявляется в переходе к «управлению знанием» или управлению сознанием, в том смысле, что формирование мышления теперь происходит не посредством сознания, а через программирование: использование передовых психологических, нейролингвистических, информационных, когнитивных технологий – E-learning. Однако «программирование» не означает отсутствия рефлексии (как иногда предполага-

ет В.А. Кутырев), особенно при переходе к информационному обществу, когда требуются грамотные методологи, организаторы информационных потоков, междисциплинарные инженеры, способные ориентироваться в новых сферах знания. Действительно, это рациональные и жизненные ценности, актуальные для современного общества. Однако проблемным остается непроявленный характер сознания. Например, в экспериментальных школах Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, которые тоже используют методологию Московского логического кружка, удалось формировать теоретическое (чистое) мышление в начальных классах. Свидетельством тому было то, что к пятому классу дети уже отказывались принимать новые знания без подтверждения истинности изначальных источников знания и объяснений причин явления. Это было большой проблемой в условиях советской идеологической парадигмы, вследствие чего эксперименты были остановлены. Даже если бы эксперимент не был остановлен, дать достоверные ответы без обращения к аподиктическому знанию, к региону сознания не представляется возможным.

В.А. Кутырев, по нашему мнению, интуитивно отмечает этот момент в описании исторического перехода от модернистской модели человека «личность – субъект – сознание» к постмодернистской – «актер – слабый зомби – мышление» [5, с. 102]. «Философский зомби» в философии сознания – это гипотетическое существо, внешне и в поведении не отличающееся от человека, кроме того, что у него отсутствует сознание. «Слабым зомби» назван субъект, которого обучают деятельности, направленной на производство и внедрение инноваций. Это сотрудники разных инновационных центров, таких как: ««силиконовые долины», технопарки, компьютерные лаборатории и другие инкубаторы достижений постчеловеческого прогресса» [5, с. 102]. Отчужденное от сознания их мышление направлено на чистое мышление, логос и рефлексию в нем, а «вне рамок профессиональной деятельности сохраняется способность не только мыслить, но и осознавать» [5, с. 102]. Главной характеристикой такого мышления остается лишь высокий IQ.

Как об этом пишет Э. Гуссерль в труде «Кризис ...», главным следствием отчужде-

ния от сознания является релятивизм мышления, отсутствие основы жизненного мира. Несмотря на то что цивилизация развивается технически, этот прогресс, творчество происходит в рамках искусственной среды, научного, идеального, функционального, языкового, виртуального мира. Так, природа отождествляется с математической голограммой, мозг – с компьютером, разум – с программным обеспечением, работающим по алгоритмическим правилам с дискретными репрезентациями. Реальность как «само-собой-разумеющееся» представляется в виде взаимонезависимых атомарных фактов, подчиненных математической формализации. Поэтому творчество, инновации становятся проектированием «несущего» – «креативным мезонизмом». Это отражено в самом научном подходе. Э. Гуссерль отмечает, что, даже если у гипотезы есть подтверждения, она все равно остается гипотезой, а подтверждение есть бесконечный процесс [3, с. 65]. Это также остается проблемой СМД-методологии. Так как она основана на проблемной сфере мышления, ее рефлексия будет приходить к определенным само-собой-разумеющимся утверждениям. Данный момент подтверждает В.М. Розин на примере организационно-деятельностных игр (ОДИ): «...в ОДИ, с одной стороны, решались познавательные задачи, то есть осуществлялось мышление, с другой – происходило программирование и организация мышления всех участников игры, что по традиции понималось как деятельность» [6].

Проблему отчуждения от сознания остро ставит Гуссерль: «Что может наука сказать о разуме и неразумии [Unvernunft], что может она сказать о нас, людях, как субъектах этой свободы? Наука всего лишь о телах, – разумеется, ничего, ведь она абстрагируется от всего субъективного» [3, с. 19]. Как «чистые» эйдетические науки (геометрия, математика) со временем стали прикладными, лишь «средством для техники», так и все общество становится средством инноваций технического мира. Это дает повод для сомнений: «...придется задаться вопросом, может ли такая смесь быть в строгом смысле философией, наукой, может ли она быть познанием мира в последнем смысле, единственно способном послужить нам в нашем понимании

мира и самих себя» [3, с. 63]. С позиции феноменологии релятивизм неизбежен, когда стремление к обретению истины происходит в отчуждении от того, что мир уже обладает бытием как смыслом, разворачивающимся в регионе сознания.

Однако проблемы постмодернизма имеют возможность разрешиться, если мышление становится феноменом сознания трансцендентального субъекта и конституируется им с помощью аподиктических смыслов. Системы, основанные на СМД-методологии, станут действительно эффективным восстановлением формирования сознания и мышления на его основе. К такому выводу приходит и В.А. Кутырев: «Не в том смысле, что формализация и математизация совершенно исключаются из познавательной деятельности, а в том, что так или иначе они всегда должны приводиться к живому знанию, присутствуя в нем на положении средства и никогда цели. Феноменологическое знание – это герменевтическое знание-понимание, знание-диалог, знание-переживание» [4, с. 137]. Тот же повседневный мир мышления становится жизненным миром сознания, миром, освобожденным от культурных типизаций и научных картин мира, чисто эмпирическим, донаучным миром. Именно он является платформой для инноваций в полном смысле слова, выходящих за рамки теоретических парадигм, геометрического мышления, которое создает строгие понятия для гор, рек, зданий, лишенных таких имен и понятий. Из истории науки видно, что в крайне редких случаях действительно инновационные открытия были сделаны на основе теоретического мышления. Чаще они происходили из совсем других сфер жизненного опыта человека в рефлексии, которому не предшествовали предпосылки математической объективации. Электродинамика была создана после электротехники.

Теоретическое, чистое мышление также должно быть осознанным практикуемым методом. Для этого необходимо избегать смысловых смещений в придании цели этому методу – познание мира и себя и передача опыта познания и описания. Цели организации общества должны находиться в самой жизни и соотноситься с жизненным миром личности.

Центральным для создания интерсубъективного пространства является уровень

мысль-коммуникации или пространства передачи смыслов – языка. В отличие от обыденной коммуникации и науки, для гуссерлевской строгой науки конкретное обозначение терминов является нечто противоположным. Это неразрывно связано с принципиальным различием лингвистических и аподиктических смыслов. Лингвистические смыслы формируют дискурс, несут в себе культурные относительные понятия и поэтому зависимы от языка и терминологии. Аподиктические смыслы несут универсальный опыт сознания, жизненного мира и не зависят от языкового обозначения, но для удобства используются коррелятивные языковые обозначения. Примером свободы смысла от языкового обозначения может служить внутренний диалог человека наедине с собой, в «одиночестве душевной жизни», в размышлениях для-себя. В таком размышлении человек не заботится о точности указывающего значения слова. Смыслы связаны со словами лишь номинально. Интерсубъективная коммуникация возможна только в едином пространстве жизненного опыта и глубоком личностном контакте субъектов, обладающих феноменологическим мышлением. Однако такая коммуникация уже соответствует интерсубъективному жизненному миру Э. Гуссерля: «...общность друг с другом и друг для друга существующих Я, в конечном итоге общность монад, и притом такая общность, которая конституирует один и тот же мир» [1, с. 138]. Межличностные отношения являются необходимыми для сознания субъекта, так как в эпистемологическом смысле оно неактивно без наличия Другого, причем как в естественной, так и в феноменологической установке. В феноменологической установке это проявляется даже в большей степени, так как сознание нуждается в постоянном подтверждении смыслов феноменов Другим, в отличие от естественной установки, где смыслы наивно принимаются «само-собой-разумеющимися».

И только в контексте синтеза феноменологии Э. Гуссерля и СМД-методологии Г.П. Щедровицкого становится возможным формирование мышления на основе сознания трансцендентального субъекта. Это хорошо видно на примере организационно-деятельностных игр. Их участники вынуждены под ру-

ководством «организатора» вступать в коммуникацию и для этого переходить от привычного для них дискурса к конкретным переживаниям сознания. Взаимно корректируя их, они приходят к ясному переживанию и фиксируют его в понятиях, адекватных феномену «как он сам-себя-дает», то есть аподиктически. На основе полученных понятий планируется дальнейшая практическая деятельность. В рамках такой методологии можно говорить аподиктически как о человечестве, его истории, так и о человеческой культуре, технике, науке, экономике, политике. Однако объекты этого мира уже объекты сознания. Они существуют аподиктически, то есть как феномены в сознании трансцендентальных субъектов жизненного мира. Данный подход дает возможность позитивного разрешения проблем постмодернизма, а именно: а) создания инновационной платформы через преодоление дискурса и выход на междисциплинарность; б) сохранения полноты и целостности восприятия (иерархия уровней мышления); в) открытия оси ролевого самоопределения и основы непротиворечивого многообразия природы человека и мира; г) осознания природосообразности развития мышления человека (по типам образовательных сред) как основы для индивидуальной образовательной программы и разделения труда; д) воспитания и формирования социальных качеств человека на протоэтической основе сознания (заключение в скобки этической поляризации мышления); е) сохранения автономии личности; ж) развития коммуникативных навыков и межкультурного диалога: интересубъективного понимания аподиктических смыслов Другого; з) перспективы создания интересубъективного жизненного мира общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М. : Территория будущего, 2005. – 464 с.
2. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Академ. Проект, 2010. – 229 с.
3. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб. : СПбУ МВД России, 2004. – 368 с.
4. Кутырев, В. А. Время *Mortido* / В. А. Кутырев. – СПб. : Алетейя, 2012. – 336 с.
5. Кутырев, В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырев. – СПб. : Алетейя, 2015. – 312 с.
6. Розин, В. М. Эволюция / В. М. Розин // Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/101> (дата обращения: 01.01.2017). – Загл. с экрана.
7. Сокол, В. Б. Сознание против Мышления: феноменологическое исследование / В. Б. Сокол. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2013. – 440 с.
8. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
9. Щедровицкий, Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.
10. Щедровицкий, Г. П. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого / Г. П. Щедровицкий. – М. : Изд-во Шк. культ. политики, 2004. – 196 с.
11. Щедровицкий, Г. П. Онтология и онтологическая работа / Г. П. Щедровицкий // Вопросы Методологии. – 1996. – № 3–4 (№ 23–24). – С. 65–122.
12. Щедровицкий, Г. П. Теория деятельности и ее проблемы / Г.П. Щедровицкий // Философия. Наука. Методология. – М. : Школа культуры политики. – 1997. – С. 242–268.

REFERENCES

1. Husserl E. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 464 p.
2. Husserl E. *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ., 2010. 229 p.
3. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i trantsendentalnaya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Saint Petersburg, SPbUMVD Rossii, 2004. 368 p.
4. Kutyrev V.A. *Vremya Mortido* [Time of Mortido]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2012. 336 p.
5. Kutyrev V.A. *Posledneye tselovaniye. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kissing. Man as a Tradition]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2015. 312 p.
6. Rozin V.M. *Evolutsiya predstavleniy o myshlenii G.P. Shchedrovitskogo*. [Evolution of Ideas about G.P. Shchedrovitsky's Thinking]. *Nekommercheskiy nauchmyy Fond "Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo"* [Non-Profit Scientific Foundation "Institute for Development named after G.P. Shchedrovitsky"]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/101>.
7. Sokol V.B. *Soznaniye protiv myshleniya: fenomenologicheskoye issledovaniye* [Consciousness

versus Thinking: Phenomenological Research]. Tyumen, TSU Publ., 2013. 440 p.

8. Shyuts A. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The Structure of Everyday Thinking]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1988, no. 2, pp. 129-137.

9. Shchedrovitskiy G.P. *Myshleniye. Ponimaniye. Refleksiya* [Thinking. Understanding. Reflection]. Moscow, Nasledie MMK Publ., 2005. 800 p.

10. Schedrovitskiy G.P. *Na doskakh. Publichnyye lektsii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo* [On the

Boards. Public Lectures on the Philosophy of G.P. Schedrovitskiy]. Moscow, 2004. 196 p.

11. Shchedrovitskiy G.P. *Ontologiya i ontologicheskaya rabota* [Ontology and Ontological Work]. *Voprosy metodologii*, 1996, no. 3-4, pp. 65-122.

12. Shchedrovitskiy G.P. *Teoriya deyatelnosti i ee problemy* [Theory of Activity and Its Problems]. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow, Shkola kultury politiki Publ., 1997, pp. 242-268.

THE CONCEPTION OF THINKING IN STA-METHODOLOGY OF G.P. SHCHEDROVITSKY AND THE E. HUSSERL'S PHENOMENOLOGY: SYNTHESIS PROSPECTS

Dmitriy Nikolaevich Popov

Postgraduate Student, Department of Philosophy,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov
dpd108@mail.ru
Sovetskaya St., 14, 150000 Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. This article studies the systemic-thought-activity methodology (STA-methodology) of G.P. Shchedrovitskiy and the E. Husserl's phenomenology. These systems offer the formation of thinking in the conditions of the challenges of the modern era. At first examination, these concepts have conflicting grounds. The STA-methodology is based on the social determination of the subject, the technological development of the society and ontological relativism. Phenomenology is based on the freedom of the transcendental subject, the turn from techno-world to the lifeworld and the region of consciousness. The approaches to the thinking and consciousness of these philosophical schools have been explored. The study reveals that the structures of the thought complement and refine each other. The level of thought-communication, which was opened by Shchedrovitskiy, confirms the intuition of phenomenologists about the need for additional introduction of the linguistic level of thinking. Husserl shows how, with the help of an accurate identification of the area of consciousness, a transition from linguistic meanings (G. Ferge) to apodictic, which constituted by consciousness on the basis of the phenomenon "how he-himself-gives". This allows reflecting thinking to go beyond discourse and to create innovation. Thus, the practical experience of STA-methodology confirms the intuition of phenomenology, and phenomenology resolves the epistemological problems of STA-methodology. Their synthesis reveals the perspectives for the formation of thinking based on the region of consciousness in the framework of the methodology of organizational-active games (OAG). This approach provides an opportunity to positively resolve the problems of postmodernism.

Key words: STA-methodology, phenomenology, thinking, consciousness, technologization, lifeworld, postmodernism.